Пятеро раненых патриархов смотрели на Мэн Хао с таким же благоговением в глазах, как и рядовые практики. Его одновременно отважные и ужасающие поступки, его смертоносность и решимость сковали даже самые храбрые сердца страхом. Бабушка Мэн в толпе выглядела совершенно сбитой с толку, её внук уже в который раз изумил её до глубины души.

— Я не ваш патриарх, — спокойно произнёс Мэн Хао, — и не Мэн Чэнь. Меня зовут... Мэн Хао. Я из клана Фан с Девятой Горы и Моря.

После этого объявления практики клана Мэн смолкли, а вот пятеро патриархов явно что-то припомнили, если судить по их округлившимся глазам. Под пристальными взглядами всех собравшихся практиком Мэн Хао двинулся к своей бабушке, люди на его пути почтительно расступались. Остановившись перед бабушкой, Мэн Хао увидел в её глазах целую смесь эмоций. Сложив ладони, он низко ей поклонился.

— Бабушка Мэн.

Когда члены клана Мэн услышали его обращение к ней как к бабушке по материнской линии, по их лицам промелькнул шок. Спустя пару мгновений остальные тоже начали склонять перед ней спину, даже патриархи отвесили ей поклон. После сражения бабушка Мэн и её люди стали главной ветвью клана. Выжившие, вне зависимости от их ветви, даже и не думали высказывать своё недовольство. Более того, они всецело одобрили такой сдвиг баланса сил в клане.

Пятеро патриархов разделяли чувства простых практиков. Для них всё сложилось вполне логично, особенно с учётом вторжения Седьмой Горы и Моря и неминуемости войны горы и морей. С пугающим и невероятно могущественным экспертом вроде Мэн Хао во главе они почувствовали себя словно под защитой магического талисмана. Оберегаемый таким талисманом, клан Мэн не только избежит опасности даже во время войны, но и получит серьёзное преимущество в ситуации, когда будет решаться судьба клана. В такой ситуации позиции и власть отдельных членов клана переставали иметь хоть какое-то значение. Определяющим фактором была сила и больше ничего!

Бабушка Мэн Хао не стала возражать, поэтому её сделали действующей главой клана. Теперь она управляла кланом вместо пропавшего дедушки Мэна. Сразу же было издано множество новых приказов. Клан Мэн пережил сражение, выжиг калёным железом всех предателей и получил шанс на жизнь. Девять соседних континентов были реорганизованы и превращены в новую клановую магическую формацию. Родовой особняк тоже полностью перестроили.

Мэн Хао решил остаться в клане Мэн, где уединился для медитации. Ему не терпелось отправиться на Четвёртую Гору и Море, но сейчас клан Мэн как никогда в нём нуждался. Перед погружением в медитативный транс он взглянул на звёздное небо, словно мог видеть сквозь огромные расстояния Сюй Цин на Четвёртой Горе. Немного посидев в тишине, он закрыл глаза и приступил к дыхательным упражнениям.

По изначальному замыслу Седьмой Горы и Моря к этому моменту клан Мэн должен был лежать в руинах. Армия вторжения потерпела фиаско, о чём Сяо Ихань доложил сразу же по прибытии к гарнизону главных сил, расположенному у разлома между Горами и Морями. После его доклада и нескольких вопросов о Мэн Хао никто больше не допытывался о деталях произошедшего.

Тем временем альянс Небесного Бога собрал армию практически из пятидесяти тысяч практиков, офицерами в ней служили немалое количество могущественных экспертов. Вскоре

армия покинула альянс Небесного Бога и двинулась к разлому, где разбили лагерь силы Седьмой Горы.

Уже совсем скоро должно было произойти первое столкновение между Седьмой и Восьмой Горой, неудивительно, что к двум армиям было приковано такое пристальное внимание. Клан Хань и Мэн отправили разведчиков понаблюдать за первой стычкой.

Спустя всего три дня прямо снаружи разлома завязался бой. Из разлома непрерывным потоком прибывали новые практики, поэтому к началу сражения их армия насчитывала шестьдесят-семьдесят тысяч человек. В этом ожесточённом бою ни одна из сторон не сдерживалась, грохот битвы не стихал ни на секунду. Восьмая Гора применила несколько своих главных магических сокровищ и артефактов, так же поступила и Седьмая Гора. Сражение длилось целую неделю. Звёздное небо то и дело сотрясал грохот взрывов, теперь запах крови пронизывал половину Восьмой Горы и Моря.

С обеих сторон погибло огромное число людей, включая экспертов царства Дао. Изредка практики прибегали к самоуничтожению, оглашая поле боя грохотом мощнейших взрывов. Семь дней ожесточённой сечи... закончились разгромным поражением альянса Небесного Бога!

Из пятидесяти тысяч бойцов вернулось всего около двух тысяч, на этом фоне потери Седьмой Горы выглядели не таким катастрофическими. Вдобавок с Седьмой Горы постоянно прибывали практики, пока размер подкрепления не вырос до нескольких десятков тысяч человек.

Первое сражение поставило всю Восьмую Гору на уши. Сектам альянса Небесного Бога пришлось особенно несладко. Поражение в этом сражении серьёзно ударило по боевой мощи альянса Небесного Бога. К сожалению, этим дело не ограничилось. Практики с Седьмой Горы и Моря воспользовались победой и отправили семьдесят тысяч человек... в наступление на альянс Небесного Бога.

Началась... война!

За пределами территории альянса клан Хань полностью изолировал себя от связи со внешним миром, вместо нападения на соединения противника они решили уйти в глухую оборону. В результате всего месяц спустя на них напали силы Седьмой Горы. Армия вторжения выставила против них целый корпус практиков.

На Восьмой Горе и Море полыхало пламя войны: всюду велась нескончаемая резня и острые стычки. Особую роль в войне играло искусство практиков Седьмой Горы и Моря в управлении силой проклятий. Вдобавок в их рядах имелись физические практики, чьи тела казались практически неразрушимыми. Они вносили заметный вклад в успехи армии. Практики Седьмой Горы и Моря также использовали в бою огромных зверей. Они не только обладали впечатляющей силой, но и оказывали значительное влияние на ход многих сражений.

На всей Восьмой Горе, казалось, не пострадал только клан Мэн, словно Седьмая Гора и Море считала их территорию запретной. Весь месяц войны между двумя горами и морями клан Мэн напоминал утопию. К всеобщему удивлению... ни один практик вражеской армии не пересёк границу их территории. Изредка их войска проходили у самой границы, но каждый раз они старались как можно скорее убраться подальше. Это не ускользнуло от внимания клана Хань и альянса Небесного Бога. К сожалению, перед лицом угрозы со стороны Седьмой Горы и Моря у них не было времени на расследование этой странности.

Мэн Хао меж тем был спокоен как горный пруд. Он медитировал в секретной палате, которая

располагалась внутри огромной статуи в самом центре клана Мэн. В этом месте он как никогда ясно чувствовал поток ци мира Горы и Моря. Его присутствие очень помогало в его занятиях культивацией. Война снаружи не особо его заботила, сейчас всё его внимание занимала культивация и попытки прочувствовать разницу между бессмертной силой и древней маной. Не забыл он и о тридцати трёх лампах души. С каждой минутой они становились сильнее, как и желание Мэн Хао потушить их.

Клан Мэн, хоть и не участвовал в войне, вёл разведку о ходе военной компании Седьмой Горы. Доклады разведчиков и соглядатаев передавались Мэн Хао, дабы держать его в курсе событий. Мэн Хао прекрасно понимал, что всё это было лишь предвестием настоящей бури.

— Боюсь, настоящая война... уже совсем скоро, — прошептал он, размышляя о том, насколько нервным и дёрганным стал попугай в последние дни.

В клане Мэн царил мир и покой, члены клана занимались культивацией, лишь изредка поглядывая на звёздное небо. Шли дни, война между Седьмой и Восьмой Горой шла уже два месяца. Теперь в ней участвовали не десятки тысяч практиков, а сотни тысяч, со временем эта цифра выросла до миллионов бойцов. Грохот, сотрясавший звёздное небо, докатывался даже до клана Мэн. Казалось, вся Восьмая Гора и Море пропиталась запахом крови. Энергия Неба и Земли погрузилась в хаос, теперь даже практики царства Бессмертия могли это почувствовать.

В конце концов все могущественные эксперты на других Горах и Морях почувствовали: на Восьмой Горе и Море идёт война гор и морей. Обладая куда более тонким чутьём, Мэн Хао заметил, что весь поток ци мира Горы и Моря медленно рассеивался, словно в печали от творимых зверств.

— Эта печаль из-за того, что, несмотря на неминуемое прибытие чужаков... у нас идёт междоусобная война? — пробормотал Мэн Хао себе под нос. — Почему же ты ничего не делаешь, чтобы это остановить... Неужто ты разделяешь моё мнение... раз великую войну нельзя предотвратить, то эта война гор и морей станет своего рода горнилом, которое закалит нас перед лицом грядущей катастрофы?

Мэн Хао смотрел на недавно доставленную нефритовую табличку, где содержался доклад разведчиков о ключевых событиях последнего месяца войны. Две недели назад перемещающие планеты альянса Небесного Бога были уничтожены, после чего миллион практиков Седьмой Горы и Моря начал полномасштабное наступление к сердцу альянса. Солдаты альянса Небесного Бога один за другим давали врагу бой. Вскоре война достигла мёртвой точки, обе стороны заняли выжидающую позицию, словно копили силы для генерального сражения, исход которого невозможно было предсказать. В то же время между армиями с завидной регулярностью случались маленькие стычки.

Ещё одной примечательной новостью было сообщение о прорыве обороны клана Хань пять дней назад. Понесся тяжёлые потери, выжившие обратились в бегство, но практики Седьмой Горы преследовали их, словно стая гончих.

Вспомнив о Хань Цинлэе, Мэн Хао поднял глаза на звёздное небо, как вдруг его глаза блеснули. Вдалеке на границе территории клана Мэн он увидел группу из нескольких сотен практиков. Среди них были женщины и мужчины, старики и дети, причём практически все были ранены. На лицах этих практиков легко читались безысходность и отчаяние, из их неисцелённых ран текла кровь. Эту группу людей вели два старика царства Дао, судя по

бледности их лиц, они тоже были тяжело ранены.

К удивлению Мэн Хао, позади стариков летел Хань Цинлэй. Его лицо, казалось, уже долгие дни кривилось в свирепой гримасе, вот только странный оттенок его кожи намекал на то, что его поразило какое-то проклятие. Он сильно похудел, и, похоже, процесс его всё ещё продолжался. Это были беженцы из клана Хань, которым удалось спастись после уничтожения их клана.

Их преследовало три огромных изумрудных паука три тысячи метров в длину. Верхом на свирепых пауках вели преследование больше тысячи практиков. Они смотрели на беженцев с холодом и нескрываемым презрением. На центральном пауке высился трон цветом под стать паукам, на котором сидел молодой человек. Одна его нога лежала на спине стоящей на четвереньках дрожащей девушки, а рука обвивала талию другой девушки-практика. Глаза этого молодого человека сияли зелёным светом и жестокостью.

— Слушайте мой приказ, — с холодной ухмылкой скомандовал он, — Хань Цинлэй нужен мне живым. Остальных можете скормить демоническим зверям!

<http://tl.rulate.ru/book/96711/416450>